

ВЛАС
ДОРОШЕВИЧ

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д69

Дорошевич, В.М.

Д69 Семья и школа / В.М. Дорошевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 200 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00125-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Власа Михайловича Дорошевича «Семья и школа».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00125-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕ И РАДОСТИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА.....	5
ЧТО ТАКОЕ РЕБЕНОК?.....	21
СЕМЬЯ И ШКОЛА.....	30
УЧИТЕЛЬ.....	37
ХАРЬКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ.....	48
МАЛЕНЬКИЕ ЧИНОВНИКИ.....	55
ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ДОКТОР.....	67
РУССКИЙ ЯЗЫК.....	74
ПЕРВЫЙ УЧЕНИК.....	88
НА ТОМ СВЕТЕ.....	92
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛЮДИ ДУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	96
НА ТОМ СВЕТЕ.....	99
КОНКУРС.....	105
БЕЗ ЦИРКУЛЯРА.....	109
ПОСЕТИТЕЛИ.....	114
ПРИЗРАК.....	120
ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ.....	127
О НЕЗАКОННЫХ И О ЗАКОННЫХ, НО НЕСЧАСТНЫХ ДЕТЯХ.....	138

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ	146
ПРАВО ОТЦА	151
КАНДИДАТЫ.....	157
ПРЕСТУПНЫЕ ПОДРОСТКИ.....	165
ДЕТСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ	176
БРОШЕННЫЕ ДЕТИ	194

ГОРЕ И РАДОСТИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Посвящается гг. родителям

Иванов Павел, ученик 2-го класса 4-й гимназии, вышел из дома сырым, осенним, пасмурным утром.

Выйдя из подъезда, он пошел едва-едва, медленно переставляя ноги, потом зашипел, начал прибавлять ходу и завернул за угол с такой уже быстротой, что должен был дать свисток, чтобы не передавить прохожих.

Это был не Иванов Павел, а курьерский поезд, шедший из Петербурга в Орел с быстротой 120 верст в час. Кругом мелькали пейзажи, и, проходя мимо ворот, Иванов Павел за две тумбы давал тревожные свистки, чтобы не перерезать на всем ходу бочку с водовозом.

Иванов Павел, шипя и выпуская пары, с быстротой молнии переводил себя с стрелки на стрелку, сам удивлялся своему искусству и переходил через улицы.

С конца октября или начала ноября Иванов Павел воображал себя команчем или онахом. Зимой он был следопытом и очень внимательно рассматривал следы в снегу, находя в них много таинственного, загадочного и тревожного, заставлявшего его испускать крик совы.

Но осенью, когда еще живы были воспоминания о поездке в деревню, он был курьерским поездом, который каждый день в 8 часов утра ходил в Орловскую губернию.

Дойдя до лавки Шестопалова, Иванов Павел зашипел, дал контропар, и поезд остановился. «Машинист пошел в буфет».

Иванов Павел зашел в лавку, положил на прилавок пяточок, данный ему на завтрак, и сказал:

— Дайте мне палку шоколада «национального», только с испанцем... Или нет, дайте мне лучше батон... Или вот что... Не надо батона... Дайте мне палку косхалвы. Самой лучшей.

И от лавки Шестопалова Иванов Павел пошел уже медленно, погруженный в пережевывание косхалвы.

Палка косхалвы была упругая, как толстый кусок резины. Косхалва вязла в зубах так, что Иванов Павел часто не мог разжать челюстей и запускал в рот палец. Это ему нравилось.

— Настоящая пища воина. Индейцы и не то еще едят. А Кук, который ел от голода свои мокасины!

Когда Иванов Павел съел палку косхалвы, у него ломило скулы.

Затем Иванов Павел начал останавливаться перед окнами открывавшихся магазинов и рассматривать вещи, которые он знал все наизусть, какая где лежала.

А перед магазином оптика подождал даже, пока приказчики откроют окна, чтоб посмотреть на настоящий маленький паровоз на рельсах, на который он собирался три года «накопить денег от завтраков и купить».

Но не мог исполнить этого, потому что каждое утро свой пяточок проедал.

В гимназию Иванов Павел пришел перед самым звонком, и сердце его вдруг наполнилось тревогой.

Сегодня его должны вызвать из латыни.

Он хотел утром в гимназии подзубрить. Когда же теперь?

Он чувствовал страшное беспокойство во всем своем существе. И все кругом чувствовали боязнь и беспокойство. Бегали, играли, кричали, но все это так нервно, словно они хотели шумом и криком заглушить внутренний беспокойный голос.

Товарищи кинулись к Иванову Павлу и закричали:

— Что ж ты, Девет, а так поздно приходишь. Тут без тебя битва была. Иди к Крюгеру.

На что Иванов Павел раздраженно крикнул:

— Убирайтесь от меня к черту! Дурак ты, а не Крюгер.

— Так и ты не Девет, а свинья! — сказал обиженный Крюгер.

И все закричали:

— Господа! Господа! Иванов больше не Девет!

Крюгер дал ему кулаком в бок, за что Иванов Павел сделал ему подножку.

В эту минуту ударил звонок.

— На первом уроке выучу! Русский меня не спросит.

Но Николай Иванович, «русский», вошел в класс и после молитвы объявил:

— Господа, диктант!

У Иванова Павла сердце упало.

Диктант длился целый час, и когда пробил звонок и началась первая перемена, к Иванову Павлу подлетели товарищи:

— Ты как смел Костюкову подножку давать? Подножку нельзя! Не по правилам!

— Господа! Мне надо латынь подзубрить! — объявил было Иванов Павел, но все закричали:

— Трус! Трус!

А Мозгов Игнатий крикнул:

— Какой же ты второй силач в классе?

Это уж был вопрос самолюбия. Иванов Павел вышел из-за парты и сказал:

— Ставсья! Беру на левую ручку. Много ли вас на фунт сушеных?

— Подножку не давать! Подножку не давать! — кричали товарищи.

А первый силач в классе стоял около, готовый каждую секунду вступиться.

Мозгов кидался и с фронта и с бока, но Иванов отшибал его каждый раз и здорово приложил об парту, как ударил звонок, и все кинулись по местам.

В коридоре раздались медленные, мерные шаги чеха-латиниста, словно шаги каменного командора.

У Иванова Павла вдруг зачесалось все тело.

— Встуаньте! — делая знак рукой, сказал чех-латинист.

Все встали.

— Сайтесь! — объявил чех-латинист, опуская руку.

Все сели.

— Встуаньте! — опять крикнул он.

Опять все встали.

— Сайтеся! — опять сказал чех-латинист.

Опять все сели.

Проделав так четыре раза, чех-латинист сел на кафедру, отметил отсутствующих, объявил следующий урок и взялся за журнал.

— Господи! Не меня! Не меня! — зашептал Иванов Павел и начал часто-часто креститься под партой.

Чех-латинист поводил пальцем по журналу и воскликнул:

— Мозгоу!

— Не меня! Не меня! — взыграл душой Иванов Павел.

Он сидел, низко-низко пригнувшись к парте, и под столом давал ногою пинка сидевшему впереди высокому Веретенникову.

— Сиди выше! Сиди, говорят тебе, выше! Чтоб меня не увидал.

— Я и так высоко сижу! — шептал в ответ Веретенников, подложил под себя две книги и вытянулся в струнку.

— Выше, говорят тебе! Выше! Чтобы не видно было! — лупил его под столом Иванов.

— Да некуда выше! — огрызнулся Веретенников.

— Уеретенников Никуай! Вы чеуо там разгуариваете? — раздался вдруг голос чеха. — С кем? Уотодвиньтесь!

И он пристально воззрился в пригнувшегося к парте Иванова Павла.

Иванов Павел чувствовал, как у него кровь прилиwała к голове и горели уши.

Он сидел, нагнувшись, не смея взглянуть на чеха, но чувствовал на себе его пронизывающий взгляд.

Весь класс молчал. Мертвая тишина царила.

«Спросит! Спросит!» — словно в предсмертном томленьи подумал Иванов Павел и полез под парту.

Но с кафедры раздался голос:

— Куда уы? Остуаньтесь!

Иванов замер.

Прошла еще тягостная, бесконечная минута.

Чех водил пальцем по журналу и, наконец, сказал:

— Иуанов Пуавел!

Иванов Павел подкашивающимися ногами пошел к доске.

— У уас в прошлый рауз була двуойка, — медленно и с расстановкой начал чех, — вуам нуадо пупруавьтсья. Пупруавьтсья!

Иванов Павел мигал, дрожал, краснел, бледнел.

— Позвольте вам сказать, Оскар Викторович...

— Гуоворите! — объявил чех. — Гуоворите! Уас уызвали зуатем, чтуб вы гуоворили! Мы ждюем, чтуб скуажет Ивуанов Пуавел!

— Позвольте вам сказать, Оскар Викторович... — начал было Иванов Павел и хныкнул.

— Не плуачьте! Не нуадо плуакать! — остановил его чех. — Куакия вы знуаете *pluralia tantum*?¹

Иванов Павел беспомощно оглянулся на класс. Первый ученик, Патрикеев Николай, с оттопырившимися ушами, сидел на первой скамейке и сквозь очки ел чеха глазами, молил его:

— Спросите меня! Меня спросите, Оскар Викторович, про *pluralia tantum*!

Постников Алексей поднимал уже руку и показывал испачканную чернилами ладонь, готовый вот-вот сорваться с места и забарабанить.

Мозгов показывал Иванову язык. Костюков делал в воздухе знак: «Кол»!

«Все, подлецы, рады, что я не знаю!» подумал Иванов Павел и вдруг почувствовал себя таким обиженным, таким маленьким, таким несчастным, что слезы полились у него из глаз.

— Я... я... нниккакких... не... не... знаю... *pluralia... pluralia... tantum*!

— Иуанов Пуавел не знает никуаких *pluralia tantum*! — вдруг словно с изумлением воскликнул чех таким громким голосом, что в коридоре отдалось эхо.

Класс хихикнул.

---

¹ *Pluralia tantum* (букв. «только множественное») — лингвистический термин, обозначающий слова, употребляемые только во множественном числе.

— Ваши уши, Иуанов Пуавел, будет уэто *pluralia tantum* или нет?

Класс насторожился, предчувствуя спектакль.

Иванов Павел начал икать и всхлипывать.

— Уотвечайте!

— Не знаю! — робко пробормотал Иванов Павел.

Класс фыркнул и расхохотался.

Иванов Павел оглянулся, как затравленный зверек.

— Иуанов Пуавел никуогда не видуал своуих ушей! — объявил чех-латинист.

Класс надрывался, рыдал, катался от хохота.

— Суадитесь...

— Оскар Викторович, у меня голова!.. — сделал Иванов Павел шаг вперед.

— У всеаукаго челувеуэка есть гуолова! — объявил чех, взялся за журнал и обмакнул перо.

— Оскар Викторович! — с отчаянием воскликнул Иванов Павел.

— Суадитесь! — сказал латинист и провел в журнале пером сверху вниз.

Весь класс показал Иванову Павлу по пальцу.

А Патрикеев Николай зашептал:

— Садись же! Садись же!

И поднял руку.

— Я знаю, Оскар Викторович, *pluralia tantum*!

Иванов Павел с воем прошел на свое место и, севши, завыл еще сильнее.

— Иуанов Пуавел плаучет, — объявил чех, — пусть выйдет зуа дверь и стуанет плауакать туам.

Иванов Павел вышел за дверь, стал в коридоре — и в класс доносились его рыдания.

Время от времени он появлялся в дверях с красным лицом, мокрым, вымазанным чернилами, поднимал руку и говорил:

— Ос... Ос... Оскар... Вик... Вик... Викторович...

Но чех спокойно отвечал каждый раз:

— Стуаньте в кауоридоре!

И продолжал допрашивать учеников.